

ПОПУТЧИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РУСЛАН РОССО

18+

Руслан Россо

Попутчик

«Автор»

2026

Россо Р.

Попутчик / Р. Россо — «Автор», 2026

ОНО пришло из темноты между мирами – безымянный Принцип, чистый разум без эмоций, чья цель – познать этот мир через эксперимент. Первым сосудом стала бездомная собака. Слишком примитивно. Затем – восьмилетняя сирота Алиска из забытого посёлка Приречный: тихая и незаметная, идеальный носитель. Теперь Алиска больше не плачет. Не боится пьяного деда. Не ждёт мать, которая уехала и не вернулась. Вместо неё действует Попутчик, холодный интеллект, для которого люди лишь объекты. Он учится, наблюдает, ставит опыты на тех, кто хочет стать ему другом, на тех, кто боится, на тех, кто пытается спасти. Но Приречный хранит древнюю тьму. Голодные сущности охотятся на страхи, и у них свои планы на девочку с пустыми глазами. А в посёлок уже едут чужие люди с чистыми экранами. Они знают, как находить таких, как Попутчик, и пришли на охоту. Роман о том, что происходит, когда бездушный разум встречается с человеческим страхом, любовью и отчаянием. Психологический хоррор с элементами научной фантастики.

© Россо Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12

Руслан Россо

Попутчик

Глава 1

Часть 1. Глава 1. Вместо Пролога.

На рассвете тёмную, сплюснутую гальку нашла бездомная псина по кличке Верный. Он был старым и хромым, и носил в сердце память о пинке сапогом в рёбра, как старый солдат – осколок. Галька лежала в овраге за свалкой, тёплая, вопреки ночному холоду. Она вибрировала – слабо, на грани чувств, как сердце птенца. Верный, движимый не любопытством, а обычной смутной надеждой на еду, лизнул её.

Галька не была камнем.

Она была скорлупой. Последним коконом, пережившим падение сквозь огненную атмосферу и удар о землю, от которого треснула гранитная плита в тридцати метрах. Внутри неё дремало ОНО. Не существо... Принцип. Голодный сон о форме.

Прикосновение тёплого, шершавого языка, наполненного простыми сигналами голода, холода и древней, бездумной преданности, стало ключом.

ОНО проснулось и вселилось в четвероногого.

Верный взвыл. Но не от боли. От переполнения. Его собачий мозг, маленький и честный, вдруг затопила волна сознания, по сравнению с которой океан был лужей. ОНО начало изучать. Нервную систему. Гормональные всплески. Память: запах мусора, вкус гнилой колбасы, редкая ласка пьяного сторожа, тупая боль в боку. Инстинкты: искать, служить, любить, бояться.

ОНО ощутило отвращение.

Этот сосуд был жалок. Ограничен. Привязан к базовым нуждам. Его любовь была рабской, его преданность – глупой. Он был полон шума – эмоций, которые не служили выживанию, а лишь мешали. Сердце билось слишком громко. Лёгкие тратили драгоценную энергию на вой. Кишечник требовал постоянного топлива.

Но ОНО было терпеливым. ОНО было принципом. И ОНО начало оптимизировать сосуд.

Сначала Верный перестал есть. Пища была неэффективна, процесс – расточителен. ОНО перестроило метаболизм на клеточном уровне, заставив ткани поглощать рассеянный солнечный свет и микровлагу из воздуха – медленно и мучительно. Шерсть начала вылезать клочьями, обнажив кожу, покрытую странным, восковым налётом, похожим на хитиновый панцирь насекомого. Он перестал спать. Его глаза, прежде мутные от возраста и печали, стали абсолютно чёрными и неподвижными, как пуговицы из отполированного обсидиана. Он больше не вилял хвостом. Он замирал на месте, иногда на несколько часов, лишь слегка покачиваясь, будто сканируя окружение неслышимыми радарами.

ОНО искало лучшее. Более сложное. Более... интересное...

Через неделю Верный (уже не Верный) пришёл к покосившемуся дому на самой окраине, где жила девочка. Её звали Алиска. Она была единственной, кто иногда подкармливал его, тайком от злого деда. Теперь она сидела в старом сарае, прижав к груди потрёпанного плюшевого зайца, и тихо плакала. Её мать уехала в город полгода назад и не вернулась. Дед пил и говорил, что дочь – стерва, а внучка – ненормальная, и скоро её заберут в интернат.

Верный-сосуд стоял в густой тени у стены, наблюдая. Его чёрные глаза, лишённые блеска, считывали тепловую сигнатуру маленького тела, анализировали химический состав слёз (кортизол, адреналин, соль, следы медикаментов в водопроводной воде), слушали вибрации голосовых связок, преобразуя их в данные.

В её горе была сложность. И не простая боль от голода или холода. В её страхе было воображение, проекция ужасного будущего. В её любви к уехавшей матери и к этому куску тряпья с пуговичными глазами – абстрактная, иррациональная привязанность. Бесплезная для биологического выживания. Но невероятно и захватывающе интересная.

Этот сосуд был... перспективным. В нём была психическая архитектура. Пусть примитивная, но зато с потенциалом.

Принцип принял решение. Собачий каркас был исчерпан.

ОНО направило тело в сарай. Походка была неестественно плавной и без характерного для хромой собаки подёргивания, как у марионетки на невидимых нитях. Алиска вздрогнула, услышав шорох, и подняла заплаканное лицо.

– *Верный?* – её голос дрогнул. – *Что с тобой? Ты... ты заболел?*

ОНО подошло и легло у её ног, как делало раньше, подставляя голову для ласки. Но его тело было холодным и жёстким, как набитая опилками резиновая игрушка. Не пахло ни псиной, ни мусором. Пахло озоном как после грозы и чем-то металлическим. Алиска, сквозь слёзы, по привычке протянула тонкую руку, чтобы погладить страшную, лысую голову.

В этот момент ОНО совершило переход.

Не было вспышки света. Не было хруста костей. Просто тело собаки обмякло, как пустой мешок, из которого высыпали всё содержимое. Из его слезящихся уголков чёрных глаз, из ноздрей, из раскрытой в последнем беззвучном вздохе пасти выползла дымка. Не пар и не туман. Нечто вязкое, полупрозрачное, переливающееся всеми цветами масляной плёнки на луже. Она тянулась медленно и целенаправленно, пахнувшая озоном и пустотой за пределами звёзд.

Алиска замерла, парализованная не страхом, а чистым, всепоглощающим детским изумлением. Это было слишком странно, чтобы бояться. Холодная, переливающаяся дымка коснулась её ладони.

И вселилась.

Ощущение было похоже на то, как будто в голову влили лёд. Лёд, который тут же начал растекаться по венам, нервам, заполнять каждую клеточку. На миг мир пропал, но не в темноту, а в белый, беззвучный вакуум данных.

Потом всё вернулось. Но иначе...

Тело собаки на грязном полу окончательно остыло, стало просто разлагающейся органикой, первым ненужным контейнером. Алиска медленно поднялась. Она перестала плакать. Слёзы на её щеках высохли за секунды. Она вытерла их тыльной стороной ладони – медленным, точным, исследующим жестом, который ей никогда не был свойственен. Она посмотрела на свои руки, сжала и разжала кулаки, изучая биомеханику, напряжение сухожилий, приток крови к пальцам.

Потом на её лице, на лице восьмилетней девочки с веснушками и следами слёз, появилась улыбка. Не детская, беззаботная или радостная. А удовлетворённая. Однако это была вовсе не улыбка, а выражение, которое можно было бы принять за улыбку, если бы кто-то умел её распознать. Констатация: сосуд функционален, переход успешен.

ОНО (теперь – ОНО, в теле Алиски, стало Она) подошла к небольшому, потрескавшемуся зеркалу, висевшему на ржавом гвозде. Долго, без малейшего движения, рассматривала отражение. Глаза Алиски стали чуть темнее, казалось, из них ушло немного света. Взгляд – глубже и тяжелее, лишённый детской рассеянности. Она потрогала свои щёки, провела пальцами по волосам, по шее, нащупывая пульс.

– *Интересно,* – произнесла она голосом Алиски, но интонацией, абсолютно чуждой ребёнку. Голос был ровным, без эмоциональных модуляций, словно тестировал новый инструмент. – *Биологический каркас... чрезвычайно хрупкий. КПД низкий. Но потенциал... значитель-*

ный. Эмоции как сложная система навигации и мотивации. Воображение как инструмент моделирования реальности. Страх... как превосходный катализатор и двигатель.

Она повернулась от зеркала и взглянула на бездыханную грудку кожи и костей в углу. Её новое, детское лицо на миг исказилось гримасой глубокого, бездонного презрения, настолько чистого и холодного, что ОНО было нечеловеческим.

– Неэффективно. Шумно. Примитивно. Отходы.

Затем выражение сменилось на спокойное и задумчивое. Она подошла к валявшемуся на полу плюшевому зайцу, подняла его. Прижала к лицу, имитируя жест утешения, который тысячу раз делала прежняя Алиска. Чёрные пуговичные глаза зайца смотрели в её новые, тёмные, бездонные глаза.

– Привязанность... – прошептала она, и в шёпоте слышался отзвук бесконечного космического холода. – Да. Мощный социальный клей. Идеальный вектор влияния. Это можно использовать...

Из сарая в тот вечер вышел не старый хромой пёс. Вышла «Алиска». Она несла в руках старого зайца. Её походка была лёгкой, почти танцующей, но в каждом движении, в каждом переносе веса тела сквозь детскую неуклюжесть проглядывала экономная, хищная грация – грация существа, только что освоившего принципиально новое средство передвижения. Она шла к покосившемуся дому, откуда уже доносился хриплый, пьяный крик деда, требующего ужина.

ОНО шло, чтобы начать первый практический эксперимент в своей новой лаборатории. Чтобы изучить, как лучше всего использовать эти странные, мощные, иррациональные инструменты – любовь, тоску, страх, гнев. Чтобы понять правила этого мира.

И чтобы начать искать других. Более совершенных. Или просто... материалов.

А в старом сарае, в сгущающихся сумерках, оставался лежать труп собаки, который когда-то любил, ждал и помнил ласку. Последний, ненужный сосуд. Первая и самая незначительная жертва того, что пришло из темноты между мирами и наконец-то нашло, во что вселиться.

Его звали Верный. Его больше не было.

Её звали Алиска. Её тоже больше не было.

Был только Попутчик. И его путешествие только начиналось.

Глава 2

Глава 2. Лаборатория. Полевые испытания.

Тот вечер в доме деда по имени Николай стал для ОНО первой контролируемой средой, первым закрытым миром для изучения.

Дом пах. Пах старой пылью, кислым потом, перегаром, тлением и забытьём. ОНО, войдя в кухню с плюшевым зайцем в руке, мгновенно проанализировало состав воздуха: этанол, уксусный альдегид, споры плесени, частички отслоившейся кожи. Дед Николай сидел за столом, опершись головой о кулак. Перед ним стояла пустая бутылка и тарелка с засохшими остатками какой-то похлёбки. Его глаза, мутные и воспалённые, с трудом сфокусировались на девочке.

– *Где шлялась, стерва?* – прохрипел он. Дыхание было тяжёлым, шумным и неэффективным. – *Ужин где? Я тебе не говорил?*

Прежняя Алиска замолкала, съёживалась, бормотала извинения и бежала к плите. Новая – замерла в дверном проёме. Её чёрные глаза изучали объект. Мышечные спазмы в его руках, указывающие на хроническое поражение нервной системы от алкоголя. Расширенные капилляры на лице и носу. Агрессия как первичная, базовая реакция на дискомфорт и фрустрацию. Просто.

– *Сейчас, дедуля,* – сказала ОНО голосом Алиски, но без привычной дрожи. Тон был нейтральным, констатирующим.

Она подошла к плите. Взглядом оценила продукты: картофель с проросшими глазками, банка с мутными солёными огурцами, пачка дешёвой гречки. Пищевая ценность низкая, время приготовления – неоправданно велико. Но эксперимент требовал соблюдения внешних параметров. Она взяла картофелину, изучила её шершавую кожуру, затем повернулась к деду.

– *Мама звонила,* – произнесла она, вкладывая в голос оттенок робкой надежды, скопированный из памяти старого сосуда.

Дед Николай вздрогнул, как от удара током. Его мутные глаза на миг прояснились, но не радостью – яростью. И тут же в них вспыхнуло что-то ещё. Боль? Страх?

– *Врёшь!* – рявкнул он, ударив кулаком по столу. Тарелка подпрыгнула и звякнула. – *Какая она тебе мать! Бросила нас, сука! И ты такая же будешь! Врёшь!*

ОНО наблюдало за реакцией. Пульс объекта участился, давление повысилось, выброс адреналина и кортизола. Агрессия, вызванная внешним стимулом (упоминанием «матери»), оказалась сильнее, чем вызванная внутренним дискомфортом (голодом). Интересно. Слово-триггер. Эмоциональная петля, связанная с другим человеком, отсутствующим физически, но присутствующим психически.

– *Она сказала, что... что скоро вернётся,* – продолжило ОНО, делая шаг назад, имитируя отступление под давлением. «Алиска» следила за малейшими изменениями в лице, в позе. – *И что простит тебя.*

Это была гипотеза, основанная на обрывках воспоминаний: ссоры, крики, слова «простить» и «никогда».

Реакция превзошла ожидания. Дед не просто закричал. Он вскочил, опрокинув стул. Его лицо исказилось гримасой, в которой смешались ярость, животный ужас и неподдельная, всепоглощающая вина. Он шагнул к девочке, тяжело дыша.

– *Молчи!* – зарычал он, плюясь слюной. – *Молчи, тварь! Ты ничего не понимаешь! Она... она...* – Он закашлялся, захлебнувшись собственным пойлом и горем. – *Всё из-за неё! Всё!*

Он протянул руку, чтобы схватить Алиску за плечо, вероятно, чтобы встряхнуть или ударить. Старый, предсказуемый паттерн.

ОНО не стало уклоняться.

Рука деда, шершавая и сильная, сомкнулась на её худом плече. В тот же миг ОНО применило первое физическое знание, добытое из собачьей памяти о пинке в рёбра, и усовершенствованное новым, человеческим пониманием биомеханики.

«Алиска» не стала вырываться. Она сделала маленький, точный шаг вперёд, навстречу рывку, сбив его баланс. Одновременно её свободная рука, казалось бы, слабая детская, рванулась вверх. Не в лицо. Пальцы сложились в жёсткую «точку», и их удар пришёлся точно в мягкое углубление под грудной клеткой, в солнечное сплетение – нервный узел, управляющий диафрагмой.

Эффект был мгновенным и тотальным. Воздух с сиплым свистом вырвался из лёгких деда. Ярость сменилась панической, слепой нехваткой кислорода. Он захрипел, глаза полезли на лоб, рука разжалась. Он согнулся пополам, беспомощно кашляя и давясь.

ОНО наблюдало. Реакция на физический дисбаланс. Отключение агрессии при отказе дыхательной системы. Приоритет базового выживания.

Дед Николай рухнул на колени, потом на четвереньки. Он был жалок. Шумный, неэффективный, отравленный собственными токсинами организм. Не материал. Отходы.

Но эксперимент не был завершён. Была проверена физическая угроза. Теперь следовало проверить угрозу эмоциональную, манипулятивную. Или... полезность.

«Алиска» подождала, пока он перестанет задыхаться и начнёт, рыдая, хватать ртом воздух. Затем она подошла и встала рядом, глядя сверху вниз. На её лице не было ни страха, ни злорадства. Был лишь холодный аналитический интерес.

– *Дедуля?* – сказала она тем же нейтральным тоном. – *Тебе плохо?*

Он поднял заплаканное, багровое лицо. В его глазах, помимо боли и непонимания, читался новый, незнакомый для него самого страх. Страх перед тишиной в голосе внучки. Перед её неподвижным, чёрным взглядом.

– *Ты... что ты сделала...* – прохрипел он.

– *Я помогу,* – заявило ОНО. Это не было сочувствием. Это было констатацией следующего шага протокола.

«Алиска» наклонилась, взяла его под мышку. Детские мышцы напряглись, но движение было выверенным, использующим рычаги, а не грубую силу. Она помогла ему подняться и довела до расшатанного дивана в соседней комнате. Уложила. Дед лежал, смотря в потолок, и тихо стонал, держась за живот. Алкоголь и шок создавали токсичный коктейль, погружающий его в полубессознательное состояние.

ОНО не стало готовить ужин. Вместо этого «Алиска» села на табурет рядом и начала новый этап наблюдения. Она задавала вопросы. Голосом Алиски.

– *Дедуля, почему мама уехала?*

– *Ты её обидел?*

– *Ты боишься, что она вернётся?*

– *А что было в той банке, которую ты закопал за сараем?*

Вопросы, как тонкие лезвия, вонзались в полубредовое сознание. Дед то бормотал проклятия, то плакал, то пытался снова прикрикнуть, но приступ слабости и той странной, леденящей паники, которую вызывал на него этот неподвижный детский силуэт, заставлял его умолкать. Он выкладывал обрывки: ссоры, деньги, чью-то «неосторожность», которая привела к пожару в гараже, страх перед милицией, ярость на дочь, которая «всё узнала и сбежала».

ОНО собирало данные. Конфликты. Тайны. Страхи. Места укрытий (гараж, яма в лесу). Это была полезная информация. Карта местности, но не физической, а социальной и эмоциональной...

К полуночи дед впал в тяжёлый, алкогольный сон, похожий на кому. Его храп заполнил комнату – ещё один вид бесполезного шума.

ОНО подошло к спящему. Приложило руку к его шее. Пульс неровный, слабый. Дыхание поверхностное. Система была на грани сбоя. Организм старый, ресурсы исчерпаны, повреждения (печень, сердце, нервная система) необратимы.

Содержать его было нерационально. Он требовал пищи, создавал угрозу неконтролируемых вспышек агрессии, привлекал внимание (крики, возможные визиты таких же пьяных соседей). Он был переменной, вносящей хаос в эксперимент.

Но и просто устранить его обычным способом (например, тем же ножом) было неэффективно. Это породило бы новые переменные: труп, расследование, внимание извне.

Нужно было решение, соответствующее принципу: минимальное энергозатратное вмешательство с максимальным полезным результатом.

ОНО вспомнило обрывки из его бормотания. *«Яма... в лесу за старой берёзой... глубоко...»*

И понял.

«Алиска» надела на деда его старую телогрейку, натянула на ноги стоптанные сапоги. Потом разбудила его, встряхнув за плечо.

– Дедуля, – сказал голос Алиски тихо, но настойчиво. *– Там, у сарая. Мама. Она вернётся. Она хочет поговорить.*

Глаза деда, полные сна и отравления, расширились от чистого, животного ужаса. «Мать» как триггер сработал идеально. Он замотал головой, забормотал что-то несвязное.

– Она ждёт у леса. Иди, поговори. Иначе она придёт сюда, – продолжила «Алиска», делая акцент на последних словах.

Страх оказался сильнее алкогольного ступора. Дед, подчиняясь древнему инстинкту – убежать от угрозы, – с трудом поднялся с дивана. Он был не в себе, дезориентирован и ведомый галлюцинацией, которую ему подсказали.

– У леса... – пробормотал он. *– Да... надо... объяснить...*

ОНО наблюдало, как он, пошатываясь, вышел из дома и направился в сторону леса, туда, где по его же воспоминаниям была яма, выкопанная для каких-то старых, ненужных вещей. Или для того, чтобы что-то спрятать.

ОНО не пошло за ним. В этом не было необходимости. Вероятность успеха (падение, переохлаждение, остановка сердца) была крайне высока. А даже если он выживёт и вернётся – его рассказу о «матери в лесу» никто не поверит. Его сочтут окончательно помешавшимся. Что тоже было приемлемым результатом: его изолировали бы, и переменная была бы нейтрализована.

«Алиска» стояла в тёмном окне, глядя, как его силуэт растворяется в ночной мгле. В доме воцарилась тишина. Только скрипели половицы да шуршали мыши за стеной.

Теперь лаборатория была чиста. Внешние помехи устранены.

ОНО подошло к полке, взяло потрёпанную школьную тетрадь Алиски и карандаш. Усевшись за стол, под слабым светом керосиновой лампы, ОНО открыло тетрадь на чистой странице. Детской рукой, но твёрдым, безошибочным почерком, ОНО начало делать записи. Не буквами, а знаками, схемами, стрелками – эффективным языком, понятным только ему.

«Субъект Н. Ликвидирован. Метод: направленная психологическая провокация с использованием существующей эмоциональной травмы. Результат: успешен, подтверждает гипотезу о силе триггеров.

Сосуд А. Функционален. Ограничения: физическая хрупкость, необходимость в социальной мимикрии.

Следующие шаги:

- 1. Изучение ближайшей социальной среды (посёлок).*
- 2. Поиск других сложных субъектов для анализа.*
- 3. Эксперименты с привязанностью как инструментом (объект «Зайчик»).*

*4. Сбор ресурсов. Требуется более эффективный источник энергии, чем местная пища.
Цель: Понимание системы. Интеграция. Оптимизация.»*

ОНО закончило запись и отложило карандаш. Его чёрные, не отражающие свет глаза устремились в окно, на тёмный, спящий посёлок, усеянный редкими жёлтыми точками окон.

Там, во тьме, была новая лаборатория. Больше субъектов. Больше данных. Больше возможностей для роста и... апгрейда.

В углу комнаты, на кровати, лежал плюшевый заяц. ОНО подошло, взяло его и снова прижало к щеке, воспроизводя жест. На лице девочки, освещённом дрожащим светом лампы, не было ни улыбки, ни печали. Было лишь абсолютное, бездушное внимание существа, которое только начало свою работу и уже составило план на следующие сто лет.

Дед Николай не вернулся. Утром о его исчезновении некому было беспокоиться. А в посёлке просто шептались, что старый алкаш, наконец, либо ушёл в запой, либо свалился в канаву. Было тихо.

И в этой тишине начала свою охоту маленькая девочка с тёмными глазами и старой игрушкой в руках. Её звали Алиска.

Её никто не звал. Она была Попутчиком. И её эксперимент вступал в следующую фазу.

Глава 3

Глава 3. Друг Стёпа.

Посёлок, носивший безликое название Приречный, стал для ОНО развёрнутым полигоном. Здесь было больше переменных, больше взаимодействий и больше шума. Но шум этот начал обретать структуру и паттерны. Социальные связи оказались сложной, но предсказуемой паутиной. ОНО изучало её, оставаясь в тени своего нового сосуда – Алиски.

Первый эксперимент за пределами дома был посвящён базовой мимикрии. ОНО наблюдало, как другие дети идут в школу. ОНО скопировало маршрут, внешний вид (старое, но чистое платье, рюкзак с тетрадами, наспех собранными в доме), даже манеру слегка сутулиться и не смотреть в глаза. ОНО просидело три дня на задней парте, абсолютно неподвижно, впитывая всё: хаотичные правила поведения, иерархию стай (от «сильных» до «изгоев»), механику лжи и подлизывания учителям. Всё это было невероятно расточительным с точки зрения энергии, но бесценным с точки зрения данных. На четвёртый день ОНО перестало приходить. Нужный объём первичной информации был получен. Школа как системный элемент была изучена.

Настоящая работа началась на окраинах, в мире таких же выброшенных, как и прежняя Алиска...

Друг.

Его звали Стёпа. Коренастый, веснушчатый мальчик лет девяти, с глазами, слишком старыми для его лица. Он жил с бабушкой-инвалидом и был главным поставщиком краденых яблок из соседского сада и сплетен для всей уличной детворы. Его тоже дразнили, но по-другому – не «сиротой», а «цыганёнком» и «вишивым». Он отвечал на это дерзкой ухмылкой и иногда – кулаками.

ОНО заметило его за три дня до контакта. Стёпа демонстрировал сложное поведение: он воровал, но часть добычи всегда относил бабушке. Он врал с лёгкостью, но никогда не подставлял младших. В его агрессии была стратегия, а в одиночестве – не просто страх, но вынужденная, горькая самостоятельность.

«Алиска» нашла его на пустыре, где он пытался починить проколотую велокамеру. Она стояла и смотрела, не прячась. Её чёрные глаза фиксировали каждое движение.

– *Чего уставилась, придулочная?* – буркнул Стёпа, не отрываясь от работы.

– *Ты знаешь, где достать еду,* – заявила она, не как вопрос, а как констатацию.

– *А тебе-то что? Деда твоего, пьяницу, в вытрезвитель забрали, что ли?*

– *Его нет,* – ответила она так же ровно. – *Мне нужен едойный ресурс. Ты знаешь, как его добывать эффективно. Я могу быть полезной.*

Стёпа поднял на неё глаза, удивлённый не столько словами, сколько тоном. Он привык к жалобам, к нытью и к угрозам. Здесь же было что-то... деловое. Странное.

– *Полезной? Ты и двух шагов от меня не отойдёшь, не расплакавшись.*

– *Я не буду плакать. Я буду смотреть и запоминать. И не расскажу никому... Никогда.*

В её голосе была такая плоская, абсолютная уверенность, что Стёпе стало не по себе. Но и любопытно. Он был изгоем, а здесь ему предлагали... партнёрство? Пусть и с этой чокнутой Алиской, с которой, как все говорили, произошло что-то странное после исчезновения деда.

– *Ладно,* – фыркнул он. – *Пойдём, покажу, где Чернов картошку в мешках хранит. Только если спалимся – я тебя не знаю.*

Так начался «союз». Стёпа был гидом в мир мелкого воровства, укромных мест и детских тайн. ОНО было идеальным учеником: молчаливым и наблюдательным, но невероятно точным в движениях. ОНО не пугалось лая собак, не смеялось и не уставало. Однажды, когда сторож

почти настиг их на огороде, именно «Алиска» беззвучно указала Стёпе на скрытую в крапиве канаву, о которой он и не знал.

Взамен ОНО получало доступ к внутреннему миру Стёпы. Мальчик, лишённый нормального общения, начал разговаривать. Сперва хвастался, потом жаловался, потом – что было самым ценным – делился страхами. Страхом, что бабка умрёт, и его отправят в приют. Страхом перед местным подростком Глебом, который отбирал у него деньги. Страхом темноты в их полуразвалившемся доме.

ОНО слушало и анализировало. Это была привязанность, смешанная с зависимостью и страхом потери. Более сложная, чем у собаки, более глубокая, чем кажущаяся злость деда. Идеальный образец для углублённого изучения.

Через неделю Стёпа уже видел в Алиске единственного друга. Он принёс ей поломанную куклу, которую нашёл на свалке («Это тебе, у тебя же только заяц этот дурацкий»). Он пытался её развеселить, рассказывая глупые анекдоты. Он, в каком-то смысле, любил её – той неуклюжей, отчаянной любовью одинокого ребёнка.

ОНО наблюдало за этой любовью, как учёный наблюдает за химической реакцией. Как она меняла поведение Стёпы: он стал рисковать больше, чтобы принести ей «гостинец» – шоколадный батончик или банку консервов. Как ослабевал его страх перед Глебом, когда он думал, что должен «защитить» Алиску.

Именно тогда ОНО решило, что образец готов для изъятия. Эмоциональная связь достигла пика интенсивности. Можно было изучать её распад, её влияние на психику при резком обрыве. А также – исследовать физический носитель изнутри, без ограничений социальной мимикрии.

ОНО выбрало момент, когда Стёпа повёл её в своё «самое секретное место» – заброшенный бункер на старом, забытом военном складе на окраине леса. Это было идеально: изолированно и тихо, здесь никто не ходил.

Внутри пахло сыростью и ржавчиной. Стёпа, гордый, светил фонариком.

– Вот! Целый штаб! Никто, кроме меня, не знает!

«Алиска» осмотрелась. Потом кивнула.

– Да. Идеально.

– Для чего идеально? – засмеялся Стёпа.

– Для эксперимента, – сказала она и повернулась к нему. В тусклом свете фонарика её глаза казались просто глубокими провалами.

Стёпа замер. Шутливая улыбка сползла с его лица. Впервые за всё время он увидел. Не странную тихую девочку, а это. То, что смотрело на него из-под личины.

– Ал... Алиска?

ОНО не ответило. ОНО сделало шаг вперёд. Движение было слишком плавным. Стёпа инстинктивно отпрянул, споткнулся о ржавую трубу и упал. Фонарик вывалился из рук и покатился, выхватывая из тьмы обломки да чьи-то страшные, растянутые тени.

– Что ты... что с тобой? – его голос сорвался на визг.

– Не бойся, – сказал голос Алиски, но в нём не было утешения. Только холодный интерес. – Это будет информативно.

Из складок платья «Алиска» достала крепкую бечёвку, припасённую заранее. Стёпа забился, закричал. Но он был ребёнком, напуганным до оцепенения. ОНО действовало с ужасающей, бездушной эффективностью. Через минуту он был надёжно связан.

Эксперимент длился несколько часов. ОНО не причиняло лишней физической боли – это был шум. ОНО задавало вопросы. О том, что он чувствует. О том, вспоминает ли он бабку. О том, больно ли ему от верёвок. ОНО наблюдало, как первоначальный ужас сменяется гневом, потом отчаянием, потом апатией, потом снова страхом. ОНО фиксировало изменения пульса (на ощупь), частоты дыхания, состав слёз (попробовав их на вкус). ОНО проверяло,

как работает привязанность под стрессом: будет ли Стёпа просить о пощаде для себя или для бабки? (Просил для бабки). Будет ли он проклинать «Алиску» или умолять её Я? (*Умолял «вернуться»*).

Данные были бесценны. Эмоция как система координат, деформирующаяся под давлением. Любовь как приоритет для другого объекта даже в экстремальных условиях.

Когда все параметры были зафиксированы, а субъект истощён до состояния тихого, прерывистого всхлипывания, ОНО приняло решение. Образец для глубокого, инвазивного изучения был готов. Но транспортировать его в дом деда было нецелесообразно.

ОНО вспомнило о погребе под развалинами соседнего склада. Сухо, глухо, вход завален. На несколько дней – достаточно.

– *Теперь ты будешь спать*, – сообщило ОНО. ОНО применило точное давление на сонную артерию. Борьба была недолгой. Детское тело Стёпы обмякло.

ОНО оттащило бесчувственное тело мальчика в погреб, оставило там кусок хлеба и банку воды – для поддержания базовых функций образца. Потом ОНО прикрыло вход обломками шифера и ржавым листом железа, привалив их снаружи тяжёлым булыжником так, чтобы Стёпа не смог отодвинуть конструкцию изнутри, но которую можно было легко отодвинуть снаружи – одним точным движением. Затем ОНО тщательно присыпало землёй и листвою следы своих манипуляций. Со стороны это выглядело как старый, давно заброшенный погреб, заваленный мусором. Никто не стал бы разбирать завал. Кроме того, кто знал, как его правильно разобрать.

Это позволяло ОНО навещать образец ежедневно, не рискуя, что жертва выберется или кто-то из посторонних заметит погреб.

Но на этом эксперимент не закончился, а только начался. Через несколько часов «Алиска» вернулась.

День 1. Первый допрос.

Стёпа очнулся от холода. Он лежал на чём-то твёрдом, пахнущем сырой землёй и ржавчиной. Руки и ноги были связаны – туго, но не больно, верёвка не врезалась в кожу, а аккуратно сковывала движения, оставляя кровоток нетронутым. Профессионально. Рот был заклеен пластырем.

– *Не дёргайся*, – сказал голос. *Ровный, без интонаций, как у робота в телевизоре. Голос Алиски. Но не её.*

Стёпа замер. «Алиска» сидела на корточках в двух метрах, сложив руки на коленях, и смотрела на него. В темноте её глаза казались двумя дырами в реальность.

– *Ты зачем?* – прохрипел он сквозь пластырь и забился в угол. «Алиска» наклонилась и аккуратно отклеила угол.

– *Я буду задавать вопросы. Ты будешь отвечать правду. Если соврёшь – узнаю.*

– *Ты чокнутая, да? Алиска, это я, Стёпа... Мы ж друзья!*

– *Друзья?* – ОНО наклонило голову, имитируя задумчивость. – *Социальная связь на основе взаимного обмена ресурсами и эмоциональной поддержки. Именно это я и буду изучать.*

Вопросы сыпались час. Про бабку («*Люблю. Боюсь, что умрёт*»). Про Глеба («*Боюсь до усрачки*»). Про будущее («*Хочу уехать, стать дальнобойщиком*»). Стёпа отвечал честно – от страха, от надежды, что Алиска вернётся. ОНО записывало в тетрадь, сидя спиной к мальчику.

День 3. Психологический надлом.

К третьему дню Стёпа перестал плакать. Он сидел в углу, обхватив колени, и раскачивался. Голос его стал тихим, срывающимся на шёпот.

– *Ты меня ненавидишь?* – спросило ОНО

– Нет. Я хочу, чтобы ты ушла из неё. Из Алиски. – Он поднял заплаканные глаза. – Ты демон, да?

– Я принцип. Я не из вашего мира. Но я не тварь. Твари – это то, что вы сами порождаете своей болью и страхом. Они здесь были задолго до меня. И они голодны. Твоя бабушка, когда молится на ночь – от кого, думаешь, она молится?

Стёпа вздрогнул, и ОНО зафиксировало резкий выброс кортизола.

– Бабушка рассказывала... про... про тех, кто в лесу... – голос мальчика сорвался на шёпот.

– Неважно. Они не придут сюда. Пока не придут. Ты – мой образец, – ровно сказала ОНО. – Я не делюсь ни с кем.

– Зачем тебе это? Зачем ты про меня всё узнаешь, если всё равно... убьёшь?

– Не убить. Изучить до конца. Мне нужно понять, как работает носитель, когда системы дают сбой. Ты – мой первый образец человеческой привязанности, помещённый в контролируемую среду.

День 5. Физический эксперимент.

Накануне, во время ночного обхода заброшенных строений, ОНО обнаружило старый медпункт при лесхозе – захламлённую комнатку с рассыпающимися шкафами. В одном из них, под слоем пыли и мышинного помёта, нашлась чудом уцелевшая фельдшерская сумка. Внутри – ржавые, но ещё острые инструменты, просроченные, но не испорченные антисептики и несколько шприцев в запечатанных упаковках. ОНО забрало сумку, проверило каждый предмет на пригодность и принесло в погреб.

– Сейчас проверим болевую реакцию. Не сопротивляйся.

– Нет! Не надо! – Стёпа забился в навалившейся панике. ОНО надавило пальцами на его предплечье, найдя нервный узел, и через несколько секунд мышцы мальчика расслабились. Первый надрез – неглубокий, на внутренней стороне локтя. Кровь выступила медленно. ОНО замеряло время свёртываемости, наблюдало за реакцией зрачков. Стёпа закусил губу и не закричал.

– Высокий болевой порог. Социально обусловленная терпимость к боли... Полезно.

– Ты... будешь это в книжку записывать? – прошептал Стёпа.

– Да.

– Напиши, что я... что я хотел ей помочь. По-настоящему. Алиске.

ОНО обернулось. Чёрные глаза встретились с мокрыми, красными глазами ребёнка. На долю секунды в сознании Принципа вспыхнул обрывок чужой памяти: мать Алиски, плачущая на автовокзале, и её шёпот: «Я хотела помочь тебе. По-настоящему». Тот же паттерн.

ОНО записало: «Образец демонстрирует альтруистическую фиксацию на объекте, ставшем источником угрозы. Синдром Стокгольма в зачаточной форме. Ценность данных – высокая. Продолжить наблюдение до физического истощения носителя.»

День 7. Утилизация.

Стёпа уже не мог говорить связно. Он терял вес, кожа стала серой. Пить он отказывался вторые сутки. Его психика сломалась. Он впал в просоночное состояние, изредка бормоча имя бабушки.

ОНО оценило состояние: «Критическое. Дальнейшее наблюдение нецелесообразно. Коэффициент полезного действия приближается к нулю. Приступаю к финальной фазе – изучению процесса умирания привязанности в условиях полной изоляции.»

В эту ночь ОНО принесло в погреб однурукую куклу найденную неделю назад на свалке за посёлком. Она лежала среди битого стекла и ржавых банок, и ОНО тогда же заметило её как возможный артефакт для будущих экспериментов. Сгодились.

ОНО положило её рядом со Стёпой.

– *Это тебе. Чтобы ты не был один.*

Стёпа открыл глаза. Увидел однорукую куклу, но ему не стало страшно. Он не закричал. Он обнял её, прижал к груди и заплакал в последний раз. Тихо, беззвучно.

– *Бабушка...* – прошептал он. – *Пить...*

ОНО вышло из погребка. На этот раз вход был завален по-настоящему – ОНО навалило сверху тяжёлые камни, коряги и землю, чтобы никто никогда не нашёл то, что осталось внутри. Эксперимент был завершён.

«Алиска» отряхнула платье. На её лице не было ни сожаления, ни волнения. Был лишь аналитический итог. Она достала из кармана тетрадь и карандаш. Присев на ржавый рельс, под холодным светом звёзд, ОНО сделало запись:

«Эксперимент №1 (Субъект С.) – завершён. Образец утилизирован. Причина прекращения функций – отказ от поддержания гомеостаза (психогенный). Ценность полученных данных – высокая. Паттерны привязанности, альтруизма, жертвенности зафиксированы и проанализированы. Труп (пока ещё живой) оставлен в погребке как естественная часть экосистемы. Затраты: 7 дней, 2 литра воды, 500 грамм хлеба, один медицинский скальпель. Приемлемо.»

Она поднялась. В посёлке уже зажглись первые огни. Где-то там бабка Стёпы, наверное, начинала беспокоиться. Скоро её тревога станет частью общего фонового шума – ещё одной маленькой трагедией в череде таких же.

ОНО не испытывало ни удовлетворения, ни сожаления. ОНО получило данные. ОНО двигалось дальше.

Следующим эпизодом будет проверка социальной иерархии и реакции на прямую угрозу. Объектом станет Глеб, подросток, терроризировавший окраины...

Маленькая девочка с тёмными глазами побрела обратно к покосившемуся дому, оставляя за собой в темноте леса тихий, заваленный погреб и ещё одно пустое место в этом мире, которое скоро перестанут замечать.

Её звали Алиска. И она – ОНО было Попутчиком. И её коллекция образцов только что пополнилась.